

УДК 291.16

**ПРОБЛЕМА ВЕРОТЕРПИМОСТИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НАЧАЛА XX ВЕКА
(РОССИЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О РАСКОЛАХ И ЕРЕСЯХ)¹****THE PROBLEM OF RELIGIOUS TOLERANCE IN RUSSIAN LITERATURE IN THE BEGINNING
OF XX CENTURY (RUSSIAN LEGISLATION ABOUT SCHISMS AND HERESIES)****Н.М. Маркова
N.M. Markova**

*Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых,
Россия, 600000, г. Владимир, ул. Горького, 87
Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, 87 Gorky St, Vladimir, 600000, Russia*

E-mail: natmarkova@list.ru

Ключевые слова: ересь, еретик, сектантство, раскол, раскольник, веротерпимость, Православная церковь.
Keywords: heresy, heretic, sectarian split, schism, schismatic, tolerance, the Orthodox Church.

Аннотация. В статье рассматривается проблема восприятия инакомыслия накануне принятия Указа о веротерпимости, на примере отношения российского правительства к расколам и ересям. Уделяется внимание вопросу интерпретации терминов «ересь», «раскол» в различные исторические периоды. Автор указывает на ряд законодательных актов, принятых российским правительством в свете проведения политики веротерпимости при неоспоримом главенстве Православной церкви.

Resume. In the article we can see the problem of perception to nonconformity before the adoption of the Decree on religious tolerance, as an example the relationship of the Russian government to heresies and schisms. The attention is paid to the question of interpretation of the terms "heresy", "split" in different historical periods. The author points to a number of legislative acts adopted by the Russian government during the policy of religious tolerance in the undisputed primacy of the Orthodox Church.

Вопрос веротерпимости был одним из основных вопросов на протяжении всей истории Российского государства и остается таковым по сегодняшний день. В современной поликонфессиональной и многонациональной России остро стоит проблема формирования толерантных установок среди представителей различных мировоззренческих и конфессиональных традиций, при этом особенно значим диалог приверженцев Русской Православной Церкви (Московского Патриархата), составляющих большинство в стране, с последователями неправославных вероисповеданий.

Исторически российская государственность со времен князя Владимира, крестившего Русь, стала опираться на избранную княжескую «Вѣру» и, в соответствии с известным принципом византийского императора Юстиниана «одна страна, один закон, одна религия», защищало позиции «Церкви Христовой». Взятие Казани, покорение Сибири, старообрядческий раскол и возникновение Российской империи привели к новой ситуации, когда население государства перестало быть однородным в вероисповедальном отношении, что требовало и соответствующего законодательного урегулирования.

В начале XX века был принят известный императорский указ Сенату 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости», тем не менее, веротерпимость признавалась возможной только при сохранении господствующей роли Православной Церкви: «...Не должно быть поколеблено устанавливаемое основными Законами Государства положение, признающее первенствующую и господствующую в Российской империи Веру Христианскую Православную Кафолическую Восточного исповедания. Значение уз, исторически скрепивших воедино судьбы Государства русского и Православной поэтому неизменно подлежат сохранению и на будущее время преимуществ, главным образом придающие Православной Церкви значение господствующей...» [2, 12].

Провозглашая главенство Православной Церкви, государственная власть настаивала на осуществлении веротерпимой политики по отношению ко всем неправославным конфессиям, при этом, как отмечал М.Красножен, «...охранение господствующей Православной веры и полное невмешательство во внутреннюю религиозную жизнь иноверцев – были теми началами, которыми руководилось русское церковное и светское правительство в своих отношениях к «иностранным вероисповеданиям» на всем пространстве истории русского государства» [6, 10]. Под «иноверцами» понимались все нехристианские и неправославные исповедания, при этом особое место отводилось отношению к расколам и ересям.

¹ Выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-23-06002

Еще святой Василий Великий (IV в.) разделил всех «неправославных» (не принимающих «Никейский символ веры») на три основных разряда: «на еретиков, раскольников и составляющих самочинные сходы» [6, 20]. Под еретиками подразумевались те, кто «отчуждал себя» от Церкви, подрывал ее основания, но делал это по собственной воле, поскольку «название ереси, говорит Тертулиан, происходит от греческого слова, означающего выбор, потому что еретик действительно выбирает то учение, какое вымышляет» [6, 20]. К раскольников относились те, чьи взгляды разнились с официальной Церковью лишь по каким-либо частным вопросам, «в которых заблуждение не делает существенного вреда вере и спасению и легко может быть исправлено» [6, 21]. Под самочинными сходами понимались не противящиеся вере или учению Церкви люди, а те, кто противился церковной власти и ее постановлениям «например когда бы священнослужитель, подвергшийся запрещению священнодействия за свои пороки, не уважив этого запрещения дерзнул в каком либо месте священнодействовать и собрал себе защитников из подобных себе людей, или когда бы народ, отложившись от своих законных пастырей, не хотел иметь к ним послушания, а стал бы сам себе избирать властей, или требовать постановления других, вместо данных ему высшею властью, пастырей, что в древние времена нередко случалось» [6, 21] или другими словами, самочинными сходами именовались, с точки зрения древних отцов Церкви «собрания, составляемые непокорными пресвитерами или Епископами, и ненаученным народом» [6, 21].

Согласно II Константинопольскому (381г.) и Трульскому (692г.) соборам «неправославные» стали разделяться на две категории. К первой относились схизматики или раскольники, которые не причиняли существенного вреда Церкви и полностью не отвергали основные догматы веры, поэтому принимались в лоно Православной Церкви без повторного крещения. Ко второй категории относились собственно еретики, именуемые язычниками, которые отвергали основные догматы веры и «уничтожали их» [6, 22], поэтому принимались в православие только через повторное крещение.

В отечественной литературе XIX века создано много богословских трудов, посвященных расколу, сектантству и старообрядчеству, при этом под «расколом» понималось явление, возникшее в XVII в., т.е. разрыв с «никонианами», с возглавляемой патриархом Никоном церковью. Раскол возник в результате отделения от «Никонианской Церкви», в результате расхождений с ней в догматическом и обрядово-культурном плане: «При правильном воззрении на раскол можно ограничиться тем, что это домашний враг Церкви, получивший свое бытие просто из-за вражды к ней, и эту вражду он возвел в систему дальнейшего своего существования» [4, 4]. Примерно похожие определения раскола мы находим и в церковном словаре XVIII века: «раскольник – который чуждается соединения с православною церковью; держится же особенных толков обрядов церковных» [8, 379]. На протяжении долгого периода времени «раскол» в России не признавался самостоятельным вероисповеданием, поэтому принципы веротерпимости на них не распространялись «ибо в убеждении как Церкви, так и Правительства, они являлись нарушителями усвоенного русским народом начала единого Православного Государства, а потому раскол и не был признаваем самостоятельным вероучением» [2, 36]. Под понятие «раскольники» подводились все отпавшие от Православной Церкви «в ереси и расколы» [2, 38], в том числе представители рационалистических и мистических сект.

В середине XIX века (1842 г.) все секты были разделены на три группы: вреднейшие, вредные и менее вредные. Данное деление было обусловлено необходимостью распределения сил для борьбы с сектами «для того, чтобы относительно более вредных из них принимать и более энергичные меры борьбы» [2, 38]. Впоследствии (1864 г.) все секты и толки были разделены уже на две группы: более вредные и менее вредные. К первым относились «не признающие пришествия в мир Сына Божия, господя нашего Иисуса Христа, не признающие никаких таинств и никакой власти Богопоставленную, допускающие, при наружном общении с церковью, человекообожание, посягающие на оскпление себя или других, отвергающие молитву за Царя и отвергающие брак» [2, 38], остальные секты и толки относились к менее вредным.

Отношение к самому сектантству также было неоднозначно, когда, к примеру, народников обвиняли в симпатии к сектантам: «с точки зрения предзанятой народнической идеи, на сектантство посмотрели, как на продукт самостоятельной творческой деятельности духа народного, как на выражение того процесса творческой деятельности, который незримо совершается в тайниках народного духа служит речательством самостоятельного, самобытного развития народа» [7, 3]. Такое отношение народников к сектантам точки зрения представителей духовной мысли было результатом модного «увлечения народом», которое охватило российское высшее общество в 60-х годах XIX века. Ошибочность народнической позиции с точки зрения официальных властей заключалась в том, что «наблюдение над жизнью сектантов – дело очень трудное, т.к. сектанты скрытны и крайне лицемерны, и в этом случае легко можно обмануться и впасть в ошибку» [7, 4], что, как утверждалось, и произошло с представителями народнической мысли, увидевшими в сектантстве светлое начало, идеализировавшими его, в то время как сектантство, на взгляд консервативных кругов, «явление по суще-

ству своему болезненное, нездоровое» [7, 3], поэтому при общении с сектантами «необходимо иметь наготове тексты, утверждающие православное вероучение и обличающие лжеучение сектантов» [5, 1].

К категории менее вредных сообществ было отнесено старообрядчество, именуемое также «беглопоповским» [3, 7], староверческим или старолюбческим [1, 3] движением. Еще в начале XX в. Указом от 12 декабря 1904 г. была введена новая классификация всех направлений и толков, отступивших от Православной Церкви и, именуемых до этого общим термином «раскольник», где они разделялись на три группы. К первой группе относились старообрядческие согласия, т.е. «последователи толков и согласий, которые приемлют основные догматы веры Православной, но не признают некоторых принятых ею обрядов и отправляют свое богослужение по старопечатным книгам» [2, 46]. Ко второй группе относилось сектантство, т.е. последователи рационалистических и мистических сект. К третьей и совершенно нетерпимой группе относились последователи «изуверных учений, самая принадлежность к коим наказуема в уголовном порядке» [2, 46].

Провозглашая политику веротерпимости, российское правительство наряду с Православной Церковью находилось на страже основных традиционных устоев общества. Воспринимая расколы и ереси как опасные, чуждые, враждебные явления, власть, с одной стороны, стремилась осуществлять строгий контроль за деятельностью этих направлений и, с другой, предоставлять им некоторые приемлемые «свободы»: «Предохраняя православных христиан от возможных опасностей со стороны еретиков, Православная Церковь никогда не допускала нетерпимости по отношению к иноверцам, религиозной вражды, презрительного и злобного от них отчуждения, но внушала, сохранять и к ним братские чувства, как заповедал Апостол» [2, 66]. Только бурные события 1917 года уравнили всех граждан как наделенных свободой не только вероисповедания, но и любого отношения к религии – ортодоксального, сектантского, иноверного, еретического или атеистического.

Список литературы References

1. Документы разрядного, посольского, новгородского и тайного приказов о раскольниках в городах России. 1654-1684гг. – М.: Ин-т истории СССР АН СССР – 1990 – 147 с.
Documents of ambassadorial, Novgorod and secret orders about schismatics in Russian cities. 1654-1684. – М.: Institute of History of the USSR Academy of Sciences of the USSR – 1990 – 147 p.
2. За первый год вероисповедной свободы в России (Бесплатное приложение к журналу «Мисс. Обзор.» за 1907г.) – 249 с.
During the first year of religious freedom in Russia (free supplement to the magazine "Miss. Overview." for 1907.) – 249 p.
3. Метельников Ф.Е. Безотрадное положение беглопоповства (разложение беглопоповского пастырства). – М.: Типография Т-ва Рябушинских – 1915 – 62 с.
F.E. Melnikov. Cheerless situation of beglopovstva (decomposition of beglopovstva's pastoral). – М.: Typography T-va Ryabushinskys – 1915 – 62 p.
4. Обзорение раскола в Саратовской епархии. – Саратов: Типография Губернского Земства – 1892 – 155 с.
Review of a schism in the Saratov diocese. – Saratov: Typography provincial zemstvos – 1892 – 155 p.
5. Памятная книжка Противосектантского Миссионера. – Астрахань: Типография И.Л. Росликова – 1895 – 103 с.
The memorial book anti sectarian missionaries. – Astrakhan: Printing I.L. Roslikova – 1895 – 103 p.
6. Проф. М. Красножен. Иноверцы на Руси. Т.1. Положение неправославных христиан в России. – Юрьев: Типография К. Маттисена, 1903. – 197 с.
Prof. M. Krasnozhen. Gentiles in Russia. T.I. The position of non-Orthodox Christians in Russia. – Yuryev: Typography C. Matthiessen – 1903. – 197 p.
7. Русские сектанты, их учение, культ и способы пропаганды. Братский труд членов IV Всероссийского Миссионерского Съезда (с портретами сектантов и картинами сектантских радений) – Одесса: Типография Е.И. Фесенко – 1911 – 336 с.
Russian sects, their doctrine and cult propaganda methods. Fraternal labor members of IV All-Russian Congress of Missionary (with portraits and paintings of sectarian sectarian rites) – Odessa: Printing EI Fesenko – 1911 – 336 p.
8. Церковный словарь или истолкование речений славенских древних, також иноязычных без перевода положенных в Священном Писании и других церковных книгах, сочиненный Московского Архангельского собора протоиереем, и московской духовной консистории членом Петром Алексеевым. Печатано при Императорском Московском Университете. – 1775 – 397 с.
Church dictionary or interpretation of the Slavonic ancient sayings, foreign language without translation position in the scriptures and other religious books, penned by the Moscow cathedral's archpriest, and the Moscow Spiritual Consistory member Peter Alexeyev. Prints of the Imperial Moscow University. – 1775 – 397 p.